тешествовавшего инкогнито, -- под весьма прозрачной фамилией Островых.11

По материалам фонда «Сношения с Саксонией» видно, что они были

в Доездене с конца июля по середину октября не менее трех раз.

А 12 октября, получив приглашение посетить конный завод курфюрста, находившийся в Лейпциге, ¹² Алексей и Федор Орловы уехали туда одновременно с гр. З. Г. Чернышевым. ¹³ В Лейпциге они пробыли около двух недель, успев не только осмотреть достопримечательности города, но и познакомиться со своими соотечественниками. 14 Это подтверждает кабинет-курьер М. Яковлев, сообщавший, что «граф Алексей Григорьевич Орлов подарил молодым господам... 200 талеров» на продолжение «домашних концертов». 15

На основании приведенных фактов можно с большей уверенностью утверждать, что «некто... Ф...», 16 познакомивший студентов с книгой Гельвеция «Об уме», это не кто иной, как граф Федор Григорьевич Орлов, бывший

в Лейпциге вместе со своим братом. 17

 ^{12} Там же, л. 130 — 130 об. — письмо Белосельского Панину от 30 сен-

тября/11 октября 1768 года.

¹⁵ То же донесение Яковлева, л. 467 об. — 468.

16 А. Н. Радищев. Житие Ф. В. Ушакова. Полн. собр. соч., т. 1,

17 Высказанное положение подтверждается и данными, имеющимися в «Житии Ф. В. Ушакова». При внимательном чтении становится очевидным, что Ф... довольно молодой человек, так как он охотно все время проводил со студентами, особенно с Ф. В. Ушаковым. Судя по всему, это какой-то русский вельможа, аристократ, способный обещать Ушакову «мощное свое покровительство» и «извлечение» последнего из «руки отягощения». Он любит показать себя знатоком философской просветительской мысли, «покровителем учености», не прочь поупражняться в «метафизических рассуждениях», т. е. ведет себя так. как и другие современные ему русские аристократы, чье показное «свободомыслие» и увлечение философией было в то время своего рода модой. Но, уехав из Лейпцига, этот «покровитель» забывает Ушакова и даже не отвечает на его письма: «Или ему низко было вступать в переписку с неравным ему состоянием, или благодарить надлежит за то Наукам, что среди обиталища их различие состояний нечувствительно и взоров природного равенства не тягчит и для того в Лейпциге Ф... обходился Федором Васильевичем, как с равным себе» — делает предположение Радищев. Но если Ф..., как то вытекает из приведенного отрывка, может считать для себя унизительным переписываться с человеком дворянского звания, майором, служившим ранее коллежским асессором у одного из самых

¹¹ АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 104, 1768 г., л. 123—письмо Белосельского Панину от 19 июля 1768 года; л. 136 письмо Белосельского Панину от 16/27 октября 1768 года. См. также письмо Белосельского Панину от 1/12 августа 1768 года. В том же фонде и деле (л. 109—109 об.): «10-го сего месяца по новому штилю прибыли сюда $\langle$ т. е. в Дрезден, — M. A. $\rangle$ из Берлина господа Островы, и не щитают доле здесь остановиться как только до завтрева, спеша ехать в Карлсбад чтоб не упоздать. Все здесь считают их знатными русскими господами под чужим именем».

¹⁴ Там же, л. 134 — письмо Белосельского Панину от 14/25 октября 1768 года; об этом упоминается также в донесении М. Яковлева (ШГАДА, фонд «Государственный Архив», разр. XVII, д. 62, 1766—75 гг., дл. 461—

³⁴ XVIII век